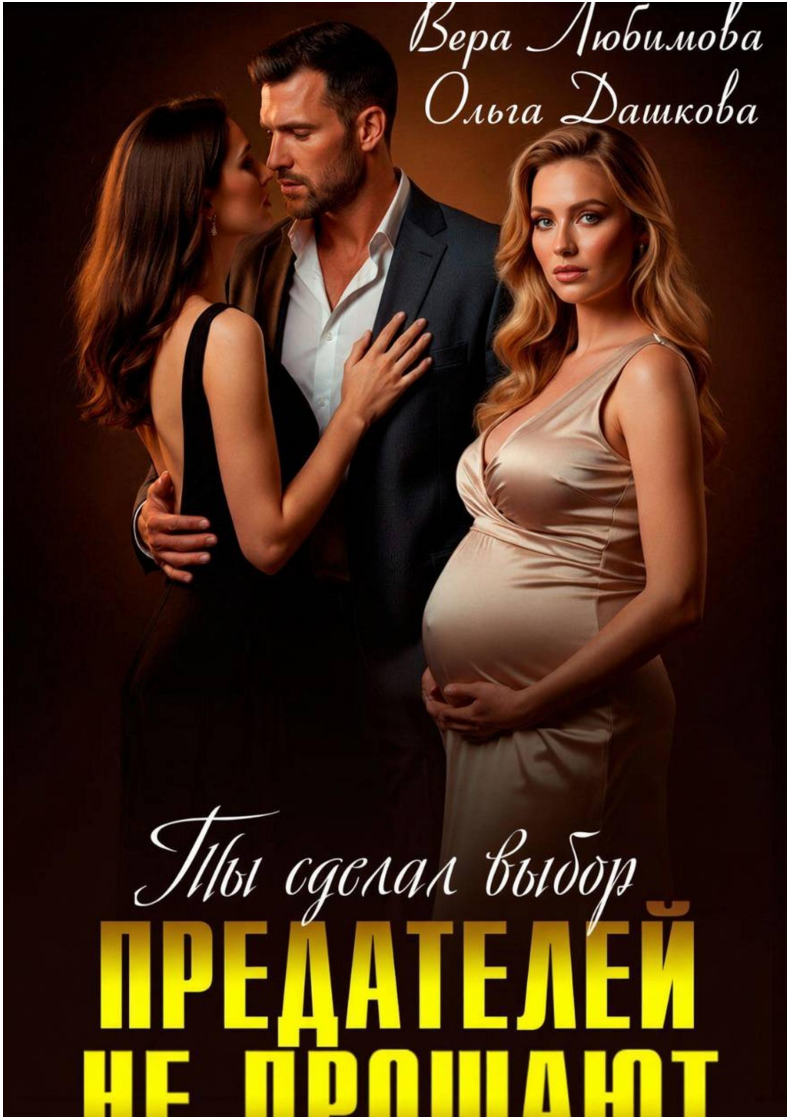
Вера Любимова
Ольга Дашкова
Ты сделал выбор
ПРЕДАТЕЛЕЙ
НЕ ПРОЩАЮТ

Вера Любимова
Ольга Дашкова

Предателей не прощают. Ты сделал выбор

https://litres.ru/74984983
SelfPub; 2026

Аннотация

– Восемь месяцев в компании – и вертит им как хочет. Особый талант у девочке.

– Банальность. Молодая секретарша, властный начальник.

– Совсем страх потеряла.

– Совсем. Вчера видела, как она выходила из кабинета. Ежу понятно, что не отчет проверяли.

– Жену его жалко.

– Не говори. Беременная, седьмой месяц. Такая красивая, всем улыбается. Ничего не знает, бедняжка.

– Может, любовница про жену не знает?

– Знает. Я слышала, как она ему сказала: ты все равно уйдешь.

– А подарками не ограничивается?

– Снимает квартиру. В центре.

Семь лет брака. Три года ЭКО. Один подслушанный разговор и привычная жизнь рухнула в одно мгновение.

Предателей не прощают. Но иногда предательство – это только начало.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ольга Дашкова, Вера Любимова Предателей не прощают. Ты сделал выбор

Глава 1

– ...Ты видела, что он ей подарил на прошлой неделе?

– Нет. Что?

– Сумку. Birkin, настоящую, не реплику. Я случайно увидела, как она хвасталась перед Лариской из бухгалтерии. Я такую сумку в руках никогда не держала, а она таскает ее на работу, как авоську из магазина.

Голоса доносились из-за высокой перегородки, густо увитой искусственным плющом. Я только что открыла большое, в кожаном переплете меню, с золотым тиснением названия кафе и даже не успела дочитать раздел с салатами.

Просто замерла.

Не потому, что меня касался чужой разговор. А потому, что женщина говорили с резкой, чуть злорадной интонацией, с той особенной женской усмешкой, которая бывает, когда обсуждают чужую глупость, но в то же время и завидуют. И

это зацепило меня прежде, чем я успела мысленно перестать слушать.

– Birkin, – присвистнув, повторила вторая женщина. – Это сколько же...

– От трехсот тысяч. А у нее, я заметила, не базовая модель. Кажется, лимитированная серия.

– Ничего себе. Ну и фантазия у нашего босса на подарки. Какой щедрый мужчина, а я бы так и не подумала.

Босса. Я медленно опустила меню на стол.

– Да уж, – первый голос был хрипловатым, уверенным голосом женщины, которая давно ничему не удивляется. – Восемь месяцев в компании, из которых шесть она уже вертит им как хочет. Это талант, скажу я тебе. Особый талант надо уметь.

– Банальщина, – отозвалась вторая, более сухо, с легкой усмешкой. – Молодая секретарша, властный начальник. Классика жанра, даже фантазии разгуляться негде. Зря он Веру Ивановну на пенсию отправил. Та тридцать лет проработала и ни разу не стрельнула глазками. Профессионал была.

– Вера Ивановна была правильной женщиной. Шестьдесят два года, внуки, дача. А эта Меркулова...

Меркулова. Я не знала никакой Меркуловой.

– ...двадцать пять лет, ноги от ушей, смеется на весь коридор. Говорят, еще на корпоративе ее заметил. Как пришла, сразу стало ясно, чем дело кончится. Я еще тогда Ларисе ска-

зала: помяни мое слово.

– И что Лариса?

– Лариса сказала, что я сплетница, – короткий смешок. – А потом сама прибежала рассказывать, что видела их вместе в лифте. Он поправлял ей волосы. Прямо рукой – и за ухо заправил. В разгар рабочего дня, в лифте компании, где половина сотрудников знает его в лицо.

– Совсем страх потерял.

– Совсем. Говорят, она уже особо и не прячется. Заходит в его кабинет как к себе домой, дверь прикрывает. Обедает там по два часа. Вчера я видела, как она выходила оттуда – волосы чуть растрепаны, помада размазана. В три часа дня. Ну, ежу понятно, что они там не отчет проверяли.

– Вы готовы сделать заказ?– к моему столику подошла девушка–официант с блокнотом наготове и заученной улыбкой на лице.

Я подняла на нее глаза. Наверное, она что-то заметила, потому что ее улыбка дрогнула, стала более живой и немного растерянной.

– Все в порядке? – тихо спросила она.

– Воды, пожалуйста. Просто стакан воды.

Она кивнула и ушла. А я снова уставилась в меню, не видя ни строчки.

***

Три часа назад я выходила из кабинета Натальи Сергеевны и улыбалась так, что болели щеки.

– Арина Кирилловна, все отлично, – сказала она мне утром своим спокойным, чуть усталым голосом врача, который видел слишком много боли и научился дозировать радость. – Малыш активный, позиция правильная, набирает вес хорошо. Еще два месяца – и встретитесь.

Я едва не расплакалась прямо в кресле. Два месяца. Всего два месяца.

Я ждала его три года. Три года уколов в живот: сначала страшно, потом привычно, потом почти механически, как чистить зубы. Три года гормонов, которые делали меня то чугунно-тяжелой, то истеричной, то совершенно пустой внутри.

Три попытки. Три раза, когда мне говорили *к сожалению, не получилось* – и мир сужлся в точку, и я шла домой, лежала на диване, уставившись в потолок, и не могла плакать, потому что слезы заканчивались еще в коридоре клиники.

Я бросила работу после первой неудачи. Я архитектор – хороший архитектор, меня звали в бюро Сорокина еще в двадцать восемь, я делала проекты, которыми гордилась. Но я сказала себе: *потом.*

Сначала ребенок. Все остальное – потом. И три года прожила в ожидании, в надежде, в страхе, в этом бесконечном цикле *попытка – провал – восстановление – снова попытка.*

И вот – с четвертой. Наконец. Все получилось.

Сегодня утром я надела любимое бежевое платье, уложила волосы волнами, накрасила губы – не для кого-то, про-

сто потому что хотелось выглядеть как привлекательная девушка, а не как женщина на сохранении – и думала только о том, что позвоню Марку. Позову на обед. Расскажу, что Наталья Сергеевна сказала *все отлично*, что малыш активный, что еще два месяца.

Марк не взял трубку.

Набрала три раза. Длинные гудки, тишина, автоответчик с его голосом – *вы позвонили Жукову Марку Германовичу, оставьте сообщение*– деловой, чуть отстраненный голос, который я знала семь лет.

Приехала к нему в офис, в холле было пусто, обед, сказал охранник внизу, все разошлись. Я поднялась на его этаж, там тоже никого, только тихий гул кондиционера и чужие чашки на столах. Марка не было.

Решила просто зайти в кафе на соседней улице. Перекусить, подождать, позвонить еще раз. И вот я сижу здесь, за перегородкой с искусственным плющом.

И слушаю. Очень увлекательно, словно радиоспектакль.

***

– Жену его жалко, – сказала первая женщина, в ее голосе мелькнуло что-то сочувствующее.– Видела ее как-то в холле, животик кругленький, красивая такая, улыбается всем, вежливая. Приезжала ему что-то привозить.

– Беременная, да?

– Седьмой месяц, говорят. Он сам как-то сказал в разговоре. Похвастался, между прочим, – в голосе появилась горечь.

– А потом идет к своей Меркуловой сумки дарить. Тьфу, прости господи, противно даже.

– Может, она не знает про жену?

– Знает, – уверенно отрезала первая. – Я как-то случайно услышала, как она ему говорила что-то про *ты же все равно уйдешь*. Знает. Просто ей все равно. Сучка.

Малыш толкнулся. Резко, настойчиво, прямо под ребра, с той силой, которая появилась у него три недели назад и с тех пор не переставала меня удивлять. *Я здесь, мама. Я живой.*

Прижала ладонь к животу. Пальцы дрожали.

Заметила это только сейчас, как и то, что у меня пересохло во рту, а кафе вокруг стало каким-то ватным, приглушенным, как будто кто-то убавил звук наполовину.

Где-то у барной стойки позвякивали чашки. За соседним столиком смеялась пара – молодые, беззаботные, он что-то рассказывал, она запрокидывала голову от смеха. Обычный февральский обед в обычном городском кафе.

И только я сидела здесь, дрожащими пальцами поглаживая живот, и слушала, как рушится все, во что я верила семь лет.

– Говорят, он не ограничивается подарками, – понизив голос, продолжила первая женщина. Я напряглась и едва не подалась вперед. – Лариска краем уха услышала разговор. Он снимает ей квартиру. В центре. Раньше она жила на съемной где-то на окраине, а теперь в престижном районе. Это случайно выяснилось, когда она проболталась насчет адреса.

– Квартиру? – медленно повторила вторая. – Ну и ну.

– Я же говорю – все серьезно. Это не интрижка. Это...

– Это надолго.

Тихо и настойчиво потянуло внизу живота, как в последние недели. Боль была не острая – рабочая, привычная боль на большом сроке, которую Наталья Сергеевна называла *все в порядке, Арина Кирилловна, это нормально.*

Сейчас эта привычная тянущая боль казалась мне невыносимой.

– Ладно, пойдем, – сказала одна из женщин. Зашуршала сумка, отодвинулся стул. – Обед заканчивается. Жуков увидит – опять хмуриться будет.

Жуков.

Вот теперь я точно знала о ком говорили. Шаги затихли. Дверь кафе хлопнула – и принесла с собой секунду уличного холода. Я осталась одна.

Стакан с водой стоял передо мной нетронутый, даже не заметила как его принесли. За окном была февральская серая улица, с жесткими комьями почерневшего снега у бордюров. Где-то там, в стеклянном здании, сидел мой муж.

Семь лет. Господи, семь лет.

Вышла за него замуж в двадцать пять, влюбленная, счастливая, уверенная, что знаю его как облупленного. Его амбиции, его замкнутость, которую я принимала за сдержанность.

Его поздние возвращения с работы, которые я принимала за преданность делу. Его редкие нежные жесты – рука на по-

яснице, поцелуй в висок, *ты справишься, Арина*– которые я хранила как доказательство того, что все не зря.

Три года я боролась за нашего ребенка. Три года он говорил *мы справимся*. Три года я верила, что **мы – это мы**.

Шесть месяцев из этих трех лет он снимал квартиру в центре для двадцатипятилетней девушки с ногами от ушей и дарит пей сумки за триста тысяч.

Малыш снова толкнулся – на этот раз мягко, медленно, как будто просто напомнил о себе. *Я здесь, мама. Что бы ни случилось, я здесь.*

– Тихо, – почти беззвучно прошептала я. – Все хорошо.

Я солгала ему… впервые.

Глава 2

Домой я ехала на автопилоте.

Не помню, как вышла из кафе. Не помню, как дошла до машины, она была припаркована через дорогу, тогда кажется мир был другим, не как сейчас. Помню только, что долго сидела за рулем, не заводя двигатель, и смотрела на свои руки на руле.

Пальцы все еще слегка дрожали.

Это необязательно про Марка, – говорила я себе. – *Мало ли Жуковых в этом городе. Мало ли Марков Германовичей с беременными женами и молодыми секретаршами.*

Я почти поверила. Почти. Завела машину и поехала домой.

Наша квартира находилась на двенадцатом этаже нового дома в тихом районе. Марк сам выбрал ее, а я приехала посмотреть уже после того, как он договорился. *Тебе понравится*, – сказал он тогда. – *Панорамные окна, вид на парк.*

Я любила панорамные окна. Любила вид на парк. Любила эту квартиру.

Сейчас, поднимаясь в лифте, я смотрела на свое отражение в зеркальных дверях и думала, что не узнаю себя. Серо-голубые глаза, обычно светлые, сейчас казались темными. Бежевое платье, которое утром казалось мне нарядным, теперь выглядело просто нелепо. Как будто я собиралась на

праздник, а попала на похороны.

Чьи это похороны? Я не ответила себе на этот вопрос.

Зашла в квартиру, сняла пальто, повесила на крючок. Разулась, прошла на кухню, включила чайник, сделать что-то привычное, механическое, чтобы руки были заняты. Чайник закипел, налила воду в кружку, положила пакетик чая и минут десять стояла у окна, глядя на парк внизу, пока чай не остыл.

Не выпила ни глотка.

Потом я пошла в спальню.

Не знаю зачем. Просто ноги сами привели меня туда, где стоял наш общий шкаф, где с одной стороны висели мои платья и блузки, а с другой костюмы и рубашки Марка. Серые, темно-синие, черные – муж не любил ярких цветов. Деловой человек, серьезный человек.

Остановилась перед его половиной и просто смотрела.

Потом, сама не понимая зачем, потянула к себе крайний пиджак. Темно-серый, дорогой, он надевал его на важные переговоры, поднесла к лицу.

И сразу почувствовала.

Легкий, почти неуловимый запах. Сладковатый, цветочный, с мускусной ноткой. Не мой парфюм. Я пользуюсь одним и тем же уже восемь лет, Марк сам когда-то купил мне первый флакон и сказал, что этот аромат создан для тебя. Это был не мой запах.

Это были чужие духи.

Аккуратно повесила пиджак обратно. Села на край кровати.

Подумала о том, что этот пиджак висит здесь, наверное, уже несколько недель. Что я каждый день проходила мимо него, открывала этот шкаф, доставала свои вещи и ни разу ничего не почувствовала.

Или чувствовала, но не подавала виду?

Малыш медленно и лениво зашевелился, как бывает после обеда. Положила руку на живот и закрыла глаза.

Не сейчас, – попросила я себя. – *Только не сейчас. Сначала убедись. Сначала точно узнай.*

***

Марк вернулся в половине одиннадцатого.

Я сидела в гостиной с книгой в руках и уже три часа читала одну и ту же страницу и не запомнила ни слова. Услышала, как повернулся ключ в замке, как в прихожей зашуршала одежда и хлопнула дверца шкафа. Привычные звуки. Семь лет привычных звуков.

– Ты не спишь? – спросил муж, стоя на пороге гостиной. Голос ровный, слегка усталый. Обычный вечерний голос.

– Тебя ждала.

Он вошел, ослабил галстук, бросил на кресло пиджак, другой, не тот, что я держала в руках днем. Посмотрел на меня. Темные карие глаза, которые я когда-то считала красивыми, коротко и деловито скользнули по моему лицу.

– Ты поздно легла. Тебе нельзя не спать.

– Я знаю, – сказала. – Как прошел день?

Секундная пауза. Почти незаметная.

– Нормально. Переговоры затянулись.

Переговоры. Я кивнула и опустила глаза в книгу.

– Ты ел?

– Да, – ответил, уже направляясь в спальню. – Ложись, Арина. Уже поздно.

Услышала, как в ванной зашумела вода. Как он чистил зубы, как скрипнула кровать под его весом. Через двадцать минут его дыхание выровнялось, Марк всегда быстро засыпал, и когда-то меня это восхищало и одновременно немного злило.

Я просидела в гостиной еще час. Потом встала.

Телефон мужа всегда лежал на прикроватной тумбочке с его стороны – экраном вниз, каждую ночь. Я никогда не брала чужой телефон. За семь лет – ни разу. Считала это унижением, нарушением личных границ, признаком недоверия.

А сейчас взяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.